

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ им. Т.Г.ШЕВЧЕНКО

На правах рукописи

БЕРЕЗА ИННА ЕЛИМОВНА

ЛЕТОПИСНЫЕ ТРАДИЦИИ КИЕВСКОЙ РУСИ В
УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ XVII в.

Специальность 10.01.03 - Литература народов СССР

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Киев - 1991

00816075 (R)

Ав 25.383

Работа выполнена в Институте литературы имени Т.Г.Шевченко Академии наук УССР.

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
В.Л.Микитась

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Б.А.Деркач
кандидат филологических наук
П.В.Белоус

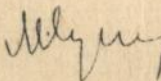
Ведущая организация: Тернопольский государственный педагогический институт

Защита состоится " каблече " 1991 г. в _____ час.
на заседании специализированного совета /Д016.35.01/ в Институте литературы им.Т.Г.Шевченко АН УССР
/252001, г.Киев-1, ул.Кирова, 4/

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института литературы им.Т.Г.Шевченко АН УССР.

Автореферат разослан "В" сент.сф 1991 г.

Ученый секретарь
специализированного совета

 Н.М.Сульма

В последние годы определяется объективный, научный подход к исследованию и переосмыслению историко-литературного процесса, в частности украинской литературы XIV-XIII в.в., значения отдельных памятников в развитии национальной словесности, творчества крупнейших писателей XIV-XIII в.в. - Симеона Коссова, Лазаря Барановича, Инокентия Гизеля, Автония Радивиловского, Самовидца, Григория Грабянки, Самуила Величко и др. Несомненного внимания заслуживает историографическая проза, связанная с именами Захария Копыстенского, Феодосия Софоновича и Пантелеймона Кохановского. В наследии этих писателей наиболее ярко отразились летописные традиции Киевской Руси, именно оно явилось источником-ведческой базой летописной литературы XIII в., ряда других жанров украинской и русской литературы XIX-XX в.в., затрагивающих историческую проблематику.

Реферлируемая диссертация посвящена исследованию летописных традиций Киевской Руси в историографической прозе Украины XIV века, прежде всего в опубликованных Густинской летописи, "Синописе" /1674-1680 гг./ и в рукописных "Кройнике" /1672-1675 гг./ Феодосия Софоновича, Украинском хронографе второй редакции неизвестного автора, "Хронографе" /1681 г./ и "Обширном Синописе Руском" /1681-1682 гг./ Пантелеймона Кохановского, а также анонимных Острожском летописце, Львовской, Хмельницкой и других областных летописях.

В отечественном литературоведении в этой области имеются заметные достижения. Достаточно вспомнить работы таких медиэвистов, как Н.Каразин, В.Болховитинов, В.Иконников, И.Франко, В.Перетц, М.Грушевский, М.Возчак, Д.Чижевский, С.Маслов, И.Еремич, Б.Рыбак, В.Крекотень, Ю.Мыць, А.Павленко, П.Белоус, Ю.Исиченко и др. Однако исследователей произведений Феодосия Софоновича, Пантелеймона Кохановского и других историографов XIV в. интересовали преимущественно как исторические источники. Художественно-эстетическая же структура памятников историографической прозы до настоящего времени при существовании не стала предметом специального рассмотрения.

Актуальность избранной темы обуславливается, таким образом, явно недостаточной ее изученностью, назревшей необходимостью углубленного исследования, в частности творческого наследия неза-

служенно забытого украинского писателя Пантелеймона Кохановского, нового прочтения его произведений и текстологического анализа их в контексте памятников историографии. Кроме того, большой интерес представляет определение общих источников для "Кройники" Феодосия Софоновича, "Синописа" /1674 г./ и "Обширного Синописа Руского" Пантелеймона Кохановского и отличительные их черты в использовании и толковании источников. Все это помогает более полно уяснить развитие литературного процесса на Украине в бурном XVII в.

Основная цель диссертационной работы состоит в обосновании мысли о непрерывности украинского литературного процесса от Киевской Руси до XVII века, в определении места и значения творчества Пантелеймона Кохановского, автора первого учебника отечественной истории "Синописа" /1674-1680 гг./, пользовавшегося популярностью на Украине, в России, Белоруссии и во всем славянском мире.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

- конкретно определить идейно-тематическое содержание, сюжеты и образы летописей Киевской Руси, отраженных в историографической украинской литературе XVII в.;
- исследовать контактно-генетические связи этих памятников с польской и русской историографией XVI-XVII вв.;
- на материале конкретного анализа произведений Пантелеймона Кохановского доказать его авторство "Синописа" /1674-1680 гг./, раскрыть художественное своеобразие его творчества и место в истории древней украинской литературы.

Материалом исследования послужили печатные и рукописные историко-художественные произведения Пантелеймона Кохановского, Феодосия Софоновича, Украинский хронограф второй редакции, рукописные сборники и старопечатная украинская литература, хранящиеся в фондах Государственной публичной библиотеки им.М.Е.Салтыкова-Щедрина, Центральной научной библиотеки АН УССР им.В.Вернадского, Львовской научной библиотеки им.В.Стефаника, Института литературы им.Т.Г.Шевченко АН УССР и Государственной исторической библиотеки УССР. Для текстологического анализа историографической прозы XVII в. привлекались издания историографической комиссии по разбору древних актов Ипатьевской и Густинской летописей, летописи Самовидца, Григория Грабянки, Самуила Величко,

а также полемическая, ораторская, китайная литература и фольклористические записи.

Методологическая основа и методика диссертации основывается на диалектико-материалистической теории в изучении культуры в целом и литературы в частности. В процессе работы автор ориентировался на достижения современных литературоведов, филологов, историков, касающихся конкретно-исторического, историко-генетического, историко-типологического, сравнительно-исторического, историко-функционального и психологического принципов в изучении литературных явлений.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней, во-первых, использованы для анализа многие материалы, которые до настоящего времени не стали объектом литературоведческих исследований, во-вторых в историю украинской литературы вводится творчество забытого писателя XVII ст. Пантелеймона Кохановского, в-третьих, переосмысливается роль духовной интеллигенции в истории культуры, что дает возможность по-новому определить значение украинской историко-художественной прозы XVII в. в литературном процессе.

Практическая ценность работы: результаты предпринятого исследования могут быть использованы при создании синтетической истории украинской литературы, при составлении учебных пособий по истории, культуре Киевской Руси и Украины, при разработке спецкурсов по историческому и литературному краеведению и языкознанию.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседании Отдела древней украинской литературы Института литературы им. Т.Г.Шевченко АН УССР. Основные ее положения излагались в выступлениях на конференции молодых ученых в Институте литературы им. Т.Г.Шевченко АН УССР /Киев, 1987/, IV-й Республиканской научной конференции по историческому краеведению /Николаев, 1989/, межвузовской конференции, посвященной 175-летию со дня рождения Т.Г.Шевченко /Одесса, 1989/, VI-й Республиканской ономастической конференции /Одесса, 1990/, Всесоюзной конференции "Социально-педагогические проблемы воспитания детей и учащейся молодежи" /Запорожье, 1991/, ежегодных научно-теоретических конференциях Николаевского государственного педагогического института им. В.Г.Белинского /1985-1991/, использовались в лекциях по спецкурсу

"Литературное краеведение" в Николаевском педагогическом институте, в цикле "История Украины" на курсах повышения квалификации учителей при НППИ и в общественно-политическом центре г. Николаева, изложены в семи публикациях.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех разделов, заключения, списка основной использованной литературы.

Содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы, анализируется состояние научного исследования проблемы, определяются цели, конкретные задачи, объект и материалы изучения, методологическая основа и методика исследования, аргументируется научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

Кратко рассмотрев влияние исторических процессов на Украину ХУ в. на подъем интереса к исторической проблематике, диссертант особое внимание уделяет биографическим сведениям о Пантелеймоне Кохановском, его рукописному наследию, хранящемуся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, невзученность которого привела к забвению имени писателя в литературоведении. В свое время Пантелеймон Кохановский - эконо́м Киево-Печерского монастыря, который до этого был, возможно, старостой Радомским, пользовался большим авторитетом.

Как свидетельствуют известные, так и вновь разысканные документальные источники,^{1/} имя его, как автора "Обширного Синописа Руского" /1681-1682 гг./,^{2/} было прочитано в начале ХХ в. А.Рогозинским, после чего позже был идентифицирован почерк "Хронографа" 1681 г.^{3/} с известным письмом Кохановского с смерти Гизеля. Сопоставления исторических концепций "Синописа" /1674-1680 гг./ и двух рукописных сборников Пантелеймона Кохановского позволили украинскому историку Ю.А.Мицику выдвинуть гипотезу о том, что все эти произведения принадлежали перу одного автора.

^{1/} Голубев С. Дополнение к одному из объяснительных параграфов по истории западнорусской церкви // Труды Киевской Дух. академии. - 1910. - июль-август. - С. 568-569. Письма преевещенного Лазаря Барановича о примечаниями. - Чернигов, 1865. - С. 110-113; Указатель к изданиям временной комиссии для разбора древних актов. - К., 1878. - Т. I и др.

^{2/} ГПБ. ОР. Ф. 19. 215.

^{3/} ГПБ. ОР. Ф. 19. 214.

Текстологический анализ историографической прозы писателя в контексте Густынской летописи, "Кройника" /1672-1673 гг./^{1/} Феодосия Софоновича, Украинского хронографа второй редакции^{2/} убедительно подтверждает гипотезу Ю.А.Мыцка - Пантелеймон Кохановский был действительно автором "Синописа" /1674-1680 гг./.

В первой главе /"Образы древнерусских князей в летописной литературе XVII в."/ диссертант исходит из того, что в период Киевской Руси человек находился в центре внимания искусства только как представитель определенных феодальных кругов, но не как индивидуум /Д.Лихачев/. Эта традиция монументального историзма продолжена и в украинской историографической прозе XVII в., где князь - герой летописи изображен чаще всего в своем идеале, без учета психологии возраста. К примеру, в образах первых киевских князей Кия, Щека и Хорива акцентируется внимание на чертах характера, необходимых при основании города Киева, "матери городов русских"; и только после этого встречаем их краткую характеристику: "бяху мужи мудры и смцслени, и нарицхуся поляне" /ПВЛ, о.Ю/. В то же время "Кройника о Руси", "Синопис" /1674 г./ и "Обширный Синопис Руский" характеризуют в этой легенде весь полянский народ, представляя возможность читателю сделать вывод, что у такого славного народа были доблестные князья.

Украинские авторы XVII в., воссоздавая образы первых киевских князей, пользовались не только древними летописными источниками, но и польскими хрониками Матвея Стрыйковского, Мартяна Бельского, Яна Длугоша и др. Подобная законсервированность прослеживается при отборе материалов для "Синописов", "Хронографа" и "Обширного Синописа Руского", параллельно обращающихся и к древнерусским и к польским источникам. Например, детализируя рассказ об основании Киева. Здесь, кроме "Повести временных лет", используется "Кройника" Матвея Стрыйковского, где утверждалось, что Кий - потомок Мосоха - сына Афета. По "Повести временных лет" с поправкой на основания польских хроник излагается история потомков Кия - князей Аскольда и Дира в Украинском хронографе и в Синописах.

Интерпретация сюжета о захоронении Аскольда и Дира в украинской историографической прозе XVII в. свидетельствует об обращении к более поздним источникам /чем "Повесть временных лет"/

^{1/} ПЛБ. ОР. Собр. М.П.Погодина, № 1476.

^{2/} ПЛБ АН УССР. ОР. I. 171.

и подтверждает фальсификацию истории крещения Руси. В Густынской летописи, "Синописах" этот отрывок взят из "Кройники" Матвея Стрийковского, где говорится о строительстве на месте захоронения Ольгой, а не Ольмом церкви, что связано с тенденцией прославления святой княгини Ольги. Исключительное внимание книжников к образу Ольги объясняется не только ее ролью в феодальном обществе, но и значением династии Рюриковичей в истории Киевской Руси. Думается, что история обращения Ольги к христианству использована и как антитеза язычнице Рогнеде.

Крещение Ольги имело принципиальное значение для христианизации Руси, поэтому писатели ХУП ст. учитывали расхождения в сообщениях об этом событии в более поздних летописях и хрониках. Так, автор Густынской летописи отдает предпочтение версии, по которой Ольга была крещена патриархом Полиевктом, но вместе с тем замечает, что "Зонар глаголет, яко тогда Феофелакт был патриарх. Кроме глаголет, яко за царства Иоанна Замоски Олга "крестилася" /с.24./". А Пантелеймон Кохановский в "Синописе" приводит две версии, ссылаясь на Нестора и Стрийковского. Авторам ХУП ст., как и Нестору-летописцу, импонировала легенда о крещении Ольги самим императором Византии.

Сопоставляя факты фольклорного и летописного характера об Ольге, приходим к выводу, что эпическая традиция была к ней оппозиционной. И если древнерусские авторы изображают княгиню "доброй" женой, мудрой правительницей, красивой женщиной, то в произведениях украинских писателей ХУП ст., кроме "внешней" характеристики, появляется и психологическое обоснование ее поступков. Как в "Синописе" /1674 г./ Пантелеймона Кохановского, так и в его "Обширном Синописе Руском" /1684 г./ оригинально мотивируется ее хитрость в эпизодах завлечения незваных сватов для расправы с ними. Элементы психологизма присутствуют и в описании поведения Ольги на тризне по мужу в "Синописе": "Тогда Олга окрыша в сердцы своем жалоость и ярость, облечется в цветныя дорогоценныя одежды, аки на брачно веселіе, и нача учредати различным патіем древлян" /л.16 об./.

Антивизантийская направленность многих сюжетов "Повести временных лет" о принятии христианства нашла свое отражение и в образах первых русских князей, начиная с Ольги, но наибольшего "накала" достигла в описании утверждения христианства князем Владимиром Святославичем. Все источники - и древнерусские, и

более поздних периодов — сообщают, что Владимир, не по чьей-либо подсказке, а руководствуясь собственными наблюдениями и умозаключениями принял христианство по православному обряду. Даже его перерождение из язычника-женилоба в высоконравственного христианина преподносится как аналогия к Царю Соломону; тем самым подчеркивается величие киевских князей на фоне мировой истории. Как известно, в устной традиции восточных славян о герамах не вспоминается, а только акцентируется внимание на единобрачии героев.

Приемственность исторической прозы ХУП в. по отношению к древнерусской летописи прослеживается и в использовании легендарного и былинного материала при изображении князей. Фольклорная и книжная традиции при этом часто осуществляют. Например, в образе князя Святослава Игоревича в "Повести временных лет" явно ощущается влияние дружинного эпоса, колядок, изображающих Святослава мужественным, грозным и беспощадным в бою, по-спартански нетребовательным в быту. Почти дословно за древнерусским источником передана такая характеристика Святослава в Густинской летописи и в Синописах. Книжная традиция подчеркивала именно воинственность князя, его постоянные стремления завоевывать новые земли.

Можно согласиться с выводами Б. Романова,^{1/} что "Святослав перешел в историческую традицию как прототип запорожца ХУП-ХУП вв., неотделимым от коня и меча, верным членом дружинного товарищества". Таким предстает Святослав и в колядках, найденных В. Антоновичем и М. Драгомановым в рукописных киевских источниках,^{2/} и в записанных П. Коробкой на Волини.^{3/}

Украинские авторы ХУП в., используя для описания жизни Святослава как древнерусские, так и польские источники, дают интересные интерпретации его гибели. Весьма своеобразно этот образ воссоздан в "Обширном Синописе Руском". Здесь дважды подчеркивается невыгодность места битвы князя с печенегами. А усечение головы приписывается самому печенежскому князю Куре,

1/ Романов Б. Люди и нравы древней Руси. — М.-Л., 1966. — С.21.

2/ Антонович В., Драгоманов М. Исторические песни малорусского народа. — Т. I. — К., 1874. — С.14-15.

3/ Коробка Н. Колядки и щедровки записанные в Волинском Полесье. — СПб., 1902. — С.33.

который торжествовал, победив "великого и славного монарху".

Заметный интерес вызывает легенда о смерти Олега от своего коня, которую из "Повести временных лет" и "Кройники" Матвея Стрыйковского "заимствовали" все украинские писатели. И. Франко справедливо утверждал о сосуществовании двух фольклорных традиций в создании летописцами образа Олега.^{1/} Об Олеге пели древние, его собственные поэты, используя мотивы слав, и певцы оппозиционного лагеря, отражая древнюю киевскую традицию. Мотив осуществления предвидения смерти через растительный и животный мир распространен в мировом фольклоре. Широко известен он и в устных преданиях украинского народа в ХУП в.^{2/}

Образы Кия и его братьев, Дира, Аскольда, Олега, Игоря, Ольги, Святослава, Рогнеды и Владимира нередко носят ярко выраженный фольклорный характер. Это заметно также в использовании топонимической легенды о Киеве и в сюжете об овладении городом псевдо-купцами в рассказе об убийстве Аскольда и Дира, об уничтожении осажденного города посредством хитрости в легендарном материале о княгине Ольге.

Текстологические сравнения и анализ историографической прозы ХУП в. дают основания утверждать, что древнерусский стиль монументального историзма в изображении величия первых русских князей в древнеукраинской историографии имеет свое продолжение в барочных произведениях, авторы которых наполняют древнерусские сюжеты символами, аллегориями, метафорами, учитывая особенности украинского фольклора и литературы; выявляют новаторство в создании женского образа, отдельных черт психологического объяснения поступков героинь, в детализации их определенных действий, характеров.

Во второй главе /"Изображение красоты в произведениях украинских историографов ХУП в."/ анализируется восприятие красоты языческих божеств, праздников, церковных зданий. Диссертант отмечает, что понятие красоты имеет четко выраженное патристическое звучание для древнерусских и украинских писателей ХУП в. и

1/ Франко І. Смерть Олега і старославянська сага про фатального коня // Зібрання творів: У 50 т. К.: Наук.думка, 1963. - Т.39. - С.76-87.

2/ Костомаров Н. Исторические монографии и исследования. - СПб., 1881. - Т.13. - С.95-96.

они не случайно заостряли внимание не только на красоте материальной, творениях рук человеческих, но подчеркивали духовное величие в любви к родной земле.

Своеобразно, с позиций идеологов христианства, воспринимали народные обычаи древнерусские, а позднее - украинские, летописцы. "Духовные равным образом поощляли и преследовали все, что носило на себе память изъятия, - писал Н.Костомаров, - были то действительно верования и убеждения, или только наружные обряды".¹⁷ Христианские идеологи вынуждены были объединять традиционные народные праздники с церковными, что обозначилось на раздвоенности восприятия прекрасного и уродливого с точки зрения ортодоксов православной церкви, и это отразилось в украинской историографии ХУП в.

Украинские авторы ХУП в. описывая "бесовские игрища" /праздники на Ивана Купала, колядки, щедровки/, проявляли знание народных обычаев, отражали эстетическое влияние этих праздников на православных. Любимый восточнославянскими народами праздник Ивана Купала "Синописис" /1674-1680 гг./ передает, как и Густынская летопись, достаточно детально.

Сравнение описания "идолов" в Густынской летописи, "Синописисе", "Обширном Синописисе Руском" и "Кройнике" Матвея Стрийковского позволяют сделать вывод, что украинские авторы ХУП в., обращаясь к тексту польского автора, каждый по-своему интерпретировал его. Так, Пантелеймон Кохановский, подбирая материал из "Кройники" Матвея Стрийковского и Густынской летописи для характеристики главного идола - Перуна, использовал своеобразные эпитеты и сравнения: камень в руках Перуна "многоценный, аки огонь" /в Густынской летописи/, а в "Синописисе" /1674-1680 гг./ и "Обширном Синописисе" - "камень по подобию Перуна паламше", "рубинами и карбункулами осаженный и свѣтячийся". Пантелеймон Кохановский подробно описывает и серебрянную голову, и золотые уши, и ноги железные. В отличие от Густынской летописи, в "Синописисах" уточняется, что Перун - бог грома и молний - "и облаков дождевых". Такая детализация /присуща барочной историографии/ имеется и в ссылках "Обширного Синописиса" на искусность древнерусских скульпторов, которыми у Перуна "тулуб был з дерева мѣстер-

¹⁷ Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI-XVII столетиях. - СПб., 1860. - С.180.

не рѣзанный". Барочный стиль ХУП ст. отчетливо заметен и при обращении к таким языческим божествам, как Стрибог, где авторы применяли не старое название этого бога, известное по древнерусским летописям и "Слову о полку Игореве", а заимствовали у польских историографов ХУІ в., т.е. западнославянское - Позвизд.

Обращение к периоду борьбы новообращенных христиан -- русичей с язычеством в украинской историографии подтверждает актуальность положений, высказанных еще Е.В.Аничковым - "история литературы в самых важных проблемах подлежащих ее разрешению, все более сближается с историей религии".^{1/} В этом плане интересно использована в "Синописе", "Обширном Синописе" и в "Кройнике о Руси" топонимическая легенда о названии "Выдубичи", что связано со "вторичным низвержением в Днепр кумира, выдыбавшего в сем месте, отчего оно и получило название Выдобичей или Выдубичей".^{2/} Сравнение более позднего текста с описанием расправы над статуей Перуна в Новгороде приводит к мысли, что украинские авторы ХУП в. могли скомпилировать сюжеты из новгородских и польских летописных произведений, в частности из "Кройники" Матвея Стрыйковского и Мартина Бельского. Составитель Густынской летописи, следовавший в основном за Нестором, не использовал эту легенду.

В украинских народных песнях, колядках нередко встречаются воспевания строительства храма, что соответствовало литературной традиции, ибо до ХУП в. сюжеты живописи в большинстве были литературными, а темы живописи отражались в сказаниях об иконах, об основании храмов.^{3/} Церковь должна быть долговременным памятником, который связывает зодчих с потомками. Так, в "Повести временных лет" под 1203 г. встречаем описание не только красоты

1/ Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. - СПб., 1914. - С.7.

2/ Максимович М. Выдубицкий монастырь // Собрание сочинений. - СПб., 1897. - Т.2. - С.246-247.

3/ Кирпичников А. Взаимодействие иконописи и словесности народной и книжной // Труды Восьмого археологического съезда в Москве. - М., 1890. - Т.2. - С.213.

церкви архангела Михаила в Смоленске, но и оценку ее очевидцами.

Рассказ "Повести временных лет" о строительстве князем Успенского собора в Киево-Печерском монастыре передан почти во всех украинских историографических произведениях ХУП в. Более детальное описание есть в "Синописе".

Подробно в "Синописе" воссоздается "Сказаня" об украшении церкви Пресвятой Богородицы Дес.тинной, которую основал князь Владимир Святославич, а в "Обширном Синописе" и "Хронографе" дана сокращенная характеристика церковного убранства и архитектуры величественного собора X в., что можна объяснить обращением редактора к барочной эстетике.

Вандализм со стороны пришельцев-завоевателей в отношении святых мест - церквей в украинской историографии ХУП в. передан скробными картинами, в которых детально перечислены злодейства разорителей, их варварское отношение к произведениям искусства. Так, автор Украинского хронографа, описывая нанесенный Батыем урон церкви Пресвятой Богородице Печерской, полчеркивает, что варвар позарился на золотом покрытые "маковицы", на "крюв, котрый был на Церкви, з самого великой ваги золота".

В "Синописе" трагизм злодеяния усиливается информацией о невозможности восстановить утраченные ценности, первородную красоту церкви Пресвятой Богородицы.

Не менее тягостные настроения передает Пантелеймон Кохановский, сообщая о разграблении церкви и монастырей православными князями во время междоусобиц. Такие картины усиливали патристическую идею осуждения братоубийственных вои.

Обращает на себя внимание традиционная, как и в "Повести временных лет", трактовка Пантелеймоном Кохановским одной из причин избрания пышной церковными службами христианской церкви по Византийскому образу, а не по западному - латинскому: "не барзо набожни их церемонїи, и костелы внутрь неоздоблени" /Обширный Синопис, л.12 об./. Далее украинский автор объясняет подобный подход в выборе веры: князь Владимир, еще будучи язычником, "сам болвохваляници свои оздоблял". Таким образом, речь идет о близости эстетических вкусов древних киевлян-язычников и христиан-византийцев, а это еще раз подтверждает высокий уровень духовной жизни восточных славян в дохристианский период.

Авторы ХУП в., продолжая древнерусскую летописную традицию, также подчеркивают вклад князей в сооружение соборов. Например, в главе "Синописиса" "О княженіи Ярослава в Кіевъ" после сообщения о приходе Ярослава на Киевский престол Пантелеймон Кохановский с восторгом рассказывает о созидательной деятельности князя.

Опосредствовано, через понимание великой святости и драгоценности храмов, автор "Синописиса" характеризует высокие моральные качества гетмана Ивана Самойловича, который "хотяши обновити имя "Церква Успенія Пресвятой Богородици в Києво-Печерской Лавре" и "прежню красу, ея же ради иногда нарицахуса Церков та небеси подобною", оградив ее "крѣпкими земляными валами" /л.124 об./.

Через восприятие эстетических идеалов писателей ХУП в. при изображении языческих богов, праздников, красот христианских храмов, служб в них и видений наблюдаются как традиционные темы, образы древнерусского летописания, так и собственные находки авторов ХУП века, проявление барочных тенденций. Традиционным для украинской историографической прозы остается использование писателями отдельных элементов других литературных жанров и устного народного творчества – житий, хождений, видений, легенд, сказок, афоризмов.

Тождество взглядов автора, приемов изображения красоты в "Синописисе" и "Обширном Синописисе Руском" еще раз подтверждает гипотезу о Пантелеймоне Кохановском, как возможном авторе не только рукописного, но и печатного "Синописиса".

В третьей главе /"Изображение батальных сцен в "Книге о побойше Мамаия" и "Сказаніи о Мамаевом побойше" в редакции Пантелеймона Кохановского/ – акцентация делается на литературной приемственности в изображении боевых эпизодов, предзнаменований битв в "Синописисе", "Обширном Синописисе Руском", в особенности в главах о Мамаевом побойше.

Изображение героизма князей-полководцев в защите Русской Земли – традиционное для древнерусской литературы, в частности в "Повести временных лет" – Святослав, в Галицко-Волинской летописи – князь Роман. Именно с Галицко-Волинской летописи, как указал Ф.Сушицкий, западнорусские летописи брали постоянные формулы боевых эпизодов.^{1/} Исследователи же историко-художественных

^{1/} Сушицкий Т. Західно-руські літописи як пам'ятки літератури. - К., 1930. - С.368-404.

произведений Куликовского цикла отмечают влияние "Жития Александра Невского" и "Слова о законе и благодати" Иллариона на отдельные эпизоды "Сказаний о Мамаевом побоище".

Украинская историографическая проза ХУП в. прежде всего обращалась непосредственно к древнерусскому летописному рассказу о походе Новгород-Сиверского князя Игоря против половцев.^{1/} Густинская летопись передает это событие близко к Киевской летописи, Украинский хронограф сокращает летописный рассказ до сравнительно лаконичной, но достаточно образной информации.

Интерпретация батальных картин Киевской летописи и "Слова о полку Игореве" на "Синописе" прослеживается в разделе "О возвращении войск христианских от Чигирина". Как в древнерусских источниках, так и в "Синописе" сохранены воинские формулы, которые берут свое начало еще в переводных повестях Киевской Руси в частности из "Иудейской войны" Иосифа Флавия.

Образ битвы в древнерусском произведении связан с цветом крови и тьмы. В "Синописе" читаем, что темно стало из-за "прегуста дыма" вследствие стрельбы большой, а в конце описания боя - омытые поганской кровью христианские руки также ассоциируются с кроваво-красным цветом. Образ скорби и тоски от затемнения света и в древнерусском произведении, в "Синописах" и "Хронографе" имеют народно-поэтическое происхождение.

Наиболее полно Куликовская битва описана в "Синописе" /1680 г./, где помещена одна из редакций "Сказания о Мамаевом побоище", и в "Обширном Синописе", в состав которого вошла "Книга о побоище Мамаея".

Ю. Мицик доказывает, что именно Пантелеймон Кохановский был автором высокохудожественной переработки "Сказания о Мамаевом побоище", которая вошла в состав "Обширного Синописа" под названием "Книга о побоище Мамаея, от князя Владимирского и Московского Дмитрия".^{2/}

Советские исследователи в целом поддерживают оценку С. Шамбинаго "Книги ...", как "во всех отношениях оригинальной повести".^{3/}

^{1/} См. Бранчук В.Ю. Киевская летопись. - К., 1986. - С.40-41.

^{2/} Мицик Ю. До питання про авторство "Книги о побоище Мамаея". - УІІ, 1980 г. - № 9. - С.106.

^{3/} Шамбинаго С. Сказания о Мамаевом побоище. - СПб., 1906. - С.364.

Так, первый раздел "Книги ... " представляет собой краткий очерк татарской истории. Захватнические планы Мамаю Кохановский представляет иронически: "Иж я всю Землю Рускую борзей нѣж Батїи опустошу, толко якїи льпшіи и милшіи города себѣ оставлю, в которых буду з своими татарами жити ... " /л.235 об./. Здесь образ Мамаю напоминает татарина из "Думы о козаке Голоте". Такого воступления не встречаем ни в одном из сказаний русских редакций.

В "Синописе" /1680 г./ повествованию о нашествии Мамаю на Русь предшествует небольшая глава "О лѣтах, в них же Кїевское княженіе и вся Россїи самодержавство под татарским пребыть игом", имеющая общую честь с "Книгой ... ". Объяснение необходимости идти войною против Мамаю в обоих "Синописях" аналогичное, а именно - подневольное положение русских князей, которыми руководили "баскаки, албо отаманы, то есть старосты" /Обширный Синописю, л.235 об./.

Обращает на себя внимание расхождение в "Сказанїи" и "Книге", касающиеся итогов победы русских воинов на поле Куликовом. В разделе "О лѣтах, в них же Кїевское княженіе ... " "Синопися" 1680 г. победителем назван только Дмитрий Иванович - великий князь Московский, что больше отвечало монархической направленности произведения. В "Обширном Синописе", не прошедшем редакции Иннокентия Гизеля, есть указание на общую заслугу в победе над Мамаем всех русских князей, и "особливе Симеона Іоанновича, князя Тверского, и Дмитрія Іоанновича, Семечина, великого князя Владимирского и Московского" /л.235 об./. То есть, в "Сказанїи" "Синопися" не охранено традицию летописной повести о Мамаевом побоище, отражающей идею тех феодальных кругов, представители которых были против единовластия, за союз русских князей. Диссертантка считает, что подобные расхождения диктовались приверженностью их авторов той или иной идее либо традиции.

Украинские писатели ХУП в., как и древнерусские книжники, не поэтизируют саму войну, а воспевают мужество воинов и находят выразительные краски для прославления подвигов в честь Русской земли. Решительность и стремление к совершению подвига, готовность воина с оружием в руках пресечь врага переданы в обоих "Синописях".

И в "Сказанїи", и в "Книге ... " создан образ идеального, благочестивого средневекового рыцаря, который одновременно сильный властелин, авторитет для всех князей. Традиционно Дмитрий Иванович

поставлен в ряд с древнерусскими князьями, укреплявшими Киевскую Русь. Он упрочил веру, которую ввел на Руси князь Владимир, так как победил татар-поган. Но хотел этого или нет автор "Сказания ..." и "Книги ...", а в описании битвы на поле Куликовом он прославил больше других князей руководителя засадного полка, состоявшего из украинцев и белоруссов, Дмитрия Боброка Волянского.

Традицией древнерусской историко-художественной прозы было изображение святых чудес, помогавших русским войнам во время борьбы с внешними врагами. В рассказе "Синописа" о Куликовской битве описано явление перед сном чудесной иконы Пресвятой Богородицы, которая провещала победу. Явление иконы передано через восприятие Волянца и приурочено к празднику Рождества Богородицы.

В "знамениях" перед боем использована древнерусская летописная традиция искать в природе знаки об исходе боя. В "Книге" в рассказе Дмитрия Волянского используются те же образы, что и в древнерусской историко-художественной прозе: гуси-лебеди тождественны вражьей силе, как и в "Слове о полку Игореве", волки предшествуют нелегкую победу русичами и т.д.

Обращение к "знамениям" о птицами, кричащими в "Синописах", является традиционной формулой, которая прошла через "Повесть временных лет" и "Галицко-Волянскую летопись".

Мотив поединка между двумя богатырями в древнерусской литературе не был распространен. В "Повести временных лет" встречаем два таких описания - поединок Кожемяки с печенегом и Мстислава с Редедю. Подобный эпизод есть и в "Сказании" и в "Книге" Пантелеймона Кохановского, где говорится о поединке между татаринцом Челубеем и русским монахом Пересветом. Рассказ этот, как считает Д.С.Лихачев, взят из каких-то эпических народных произведений о Куликовской битве.^{1/} Пантелеймон Кохановский, согласно с требованиями эстетики барокко, характеризуя Челубея, сравнивает его с древним героем Голиафом, чем вызывает в воображении читателя образ громадного и сильного врага.

Описание оплакивания погибших в боях за Родину входило в литературный этикет Киевской Руси. Плачи не свидетельствовали о слабости воинов или князей, а выражали скорбь всего народа по

^{1/} Лихачев Д.С. Культура Руси эпохи образования русского национального государства. - Л., 1946. - С.90.

убитым и славу им за подвиг. В речи Дмитрия Ивановича над погибшими в "Сказании" и "Книге" отразилась древнерусская устная традиция, которая характеризовалась краткостью и поэтичностью обращения, подобно "Слову о полку Игореве".

Изображен в произведениях Пантелеймона Кохановского и такой традиционный в древнерусских произведениях элемент батальных сцен, как боевая музыка.

Мотив покаяния в молитвах Дмитрия Донского напоминает древнерусскую традицию взаимосвязей иконописного искусства и литературы. Описание молитв у иконы "Спас оплечный" приводит к более глубокому пониманию образа врага Руси - поганина, противника истинных христиан и врага всем людям.

Образ Мамай в "Сказании" и в "Книге" построен на антитезе к Дмитрию Ивановичу. Мамай, который идет на Русь - "аки лев ревий, пыкая, аки неутомимая ехидна", "гнѣвом дыша". В то же время Дмитрий Иванович - человек богобоязненный, сердечный и душевный, не побежден гордыней. Лекоика при описании состояния Мамайа отличается от слов, характеризующих русского князя. Мамай отказано в переживании печали, горести, плача, скорби, так как он выполняет волю дьявола.^{1/}

Пантелеймон Кохановский, как и древнерусские авторы, следуя общечеловеческим идеалам, описывает в "Сказании" и "Книге" скорбь по убиенным, в том числе и о утраченных жизнях врагов. Передается это через плач жєн поганских и русских. Эти плачи связаны и с литературной традицией (Плач Ярославны), и с устным народным творчеством. Глубоко эмоциональна картина проводов мужей на войну о Мамаем. Здесь явно чувствуется народнопоэтическая традиция прощаний со своим любимым: она молит бога о возвращении желанного целым и невредимым.

Таким образом, в диссертации подчеркивается традиция и новаторство в изображении поединков, батальных сцен, подготовки к бою и оплакивания погибших свидетельствуют о непрерывном развитии произведений с патриотической тематикой в украинской историографии ХУП века, о ее связи с героической идеей древнерусских

^{1/} Колесов В.В. Стилистическая функция лекоических вариантов в "Сказании о Мамаевом побоище" // ТОДРЛ. - 1979. - Т.34. - С.41.

былин, украинских дум, с живописью и музыкальным искусством в обоих "Синописах" Пантелеймона Кохановского.

В заключении диссертации акцентируется внимание на том, что украинская историографическая проза ХУП в. унаследовала от литературы Киевской Руси ее высокую идейность, публицистичность, стремление затрагивать злободневные вопросы современности, ее гуманистический пафос, заботу о духовном совершенстве человека.

Существование традиций летописной литературы Киевской Руси в украинском летописании ХУП в. подтверждают непрерывность литературного процесса на Украине с древнерусских времен. Это проявлялось в приемственности развития их художественной системы, способов и принципов отображения действительности, в творческом использовании древнерусских сюжетов, образов, стилистических приемов.

Авторы ХУП в. обращаются к лучшим образцам древнерусского и украинского фольклора, вносят в создание образов новые черты барочной традиции. Они используют элементы других литературных жанров: житий, хождений, видений о характерной для них художественной образностью.

Текстологический анализ "Синописа" /1674-1680 гг./ и рукописного "Обширного Синописа Руского" позволил автору диссертации поддержать гипотезу об их авторе - забытом писателе Пантелеймоне Кохановском, рукописное наследие которого является достижением украинской литературы ХУП века. Его произведения являются также убедительным подтверждением того, что рукописная традиция в ХУП в. на Украине продолжала свою плодотворную жизнь рядом с печатной книгой.

Литературная история этих произведений свидетельствует о широкой популярности украинских историографических произведений, в частности "Синописа" /1674-1680 гг./, который был использован как источник русскими писателями А. Длзловым, А. Манкиевым, П. Захарьиним, М. Ломоносовым. В древней украинской литературе произведения Кохановского были учтены в подборе материалов летописного характера Леонтием Боболинским, Самовидцем, Григорием Грабянкой, Самуилом Величком. Все это дает основания утверждать о художественной ценности творческого наследия украинского писателя Пантелеймона Кохановского.

Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях автора:

1. 200 лет спустя. - Друг читача. - 1989 г. - II ноября /на укр. языке/.
2. Использование традиций древних летописей в повестях Т. Шевченко // Т. Г. Шевченко и общечеловеческие идеалы: Тезисы сообщений на областной межвузовской научно-теоретической конференции, посвященной 175-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко. - Одесса, 1989 /на укр. языке/.
3. Малоизвестный Синописо конца ХУП в. /"Новый Синопис" 1798 г. П. М. Захарьина/. // IУ Республиканская научная конференция по историческому краеведению. Тезисы докладов и сообщений. - Киев, 1989 /на укр. языке/.
4. По следам древних легенд. - Друг читача. - 1990 г., 8 марта /на укр. языке/.
5. Топонимы в произведениях украинского писателя II-й половины ХУП в. Пантелеймона Кохановского // Шестая Республиканская ономастическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. I кн. Теоретическая и историческая ономастика. Литературная ономастика. - Одесса. 1990 /на укр. языке/.
6. Методические рекомендации по литературному краеведению. - Николаев. 1991. - В соавторстве /на укр. языке/.
7. Пантелеймон Кохановский - украинский писатель ХУП в. - Слово і час. - 1991 г., № 5 /на укр. языке/.
8. Воспитательный потенциал прозы Инокентия Гизеля и Пантелеймона Кохановского // Использование наследия забытых и возвращенных деятелей науки и культуры в учебном процессе педагогического вуза и школы: Тезисы республиканской межвузовской научно-практической конференции. - Ровно, 1991 /на укр. языке/.

В. С.

467024

AB 25.383

Подписано в печать 31.05.91 Формат 60x84 1/16
Усл.печ.л. 0,9 Уч.изд.л. 1,0
Тираж 100 Заказ 459 1991, г. Бесплатно

Полиграф. уч-к Ин-та истории Украины АН УССР
Киев-1, Кировз. 4